

ла Ф. Боаса. А на деле у всех у них, в том числе и у Э. Дюркгейма и М. Мосса, имелись теоретические предпосылки.

Словарь этнографических понятий и терминов составляется нами совместно с учеными ГДР. В ГДР этнография характеризуется как историческая дисциплина¹, а в обсуждаемой статье авторы соглашаются со взглядом, что этнография имеет особый предмет изучения по сравнению с историей (с. 45). Предметом этнографии в ГДР объявлена триада (образ жизни, культура, этнос)², а в статье Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова — только этнос. В ходе работы над словарем, видимо, будет достигнуто единство взглядов. Хочется пожелать, чтобы мнение этнографов ГДР было учтено в максимально возможной мере.

¹ Etnographisch-anthropologische Zeitschrift. 1986. B. 27. № 1. S. 13, 19.

² Ibid., S. 19.

В. И. Козлов

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Уважаемые авторы предложенной для обсуждения статьи изложили ее в повествовательном стиле и не сформулировали четко проблемы, которые им хотелось бы прояснить в ходе такого обсуждения. Это может несколько снизить возможную эффективность дискуссии, распылить ее участников по огромному полю тематики статьи. Возникает соблазн пойти по легкому пути критики и отметить прежде всего, что тематика статьи излишне широка и не могла быть должным образом представлена в журнальных рамках. Это особенно заметно при характеристике этнографических «школ» и «методов», рассмотренных в специальных монографиях С. А. Токарева, Ю. П. Аверкиевой и других наших авторов¹, но лишь частично и очень бегло отраженных в данной статье; многие «школы» с их основоположниками и видными последователями в ней даже не упомянуты; отмечу, в частности, русскую школу Д. Н. Анучина и американскую школу культурной экологии Дж. Стюарда. Вопросы взаимоотношения этнографии с другими науками также уже были предметом специального рассмотрения; особенно следует отметить посвященный этим вопросам международный симпозиум в Бург-Вартенштейне (Австрия, 1976 г.), материалы которого, опубликованы у нас и за рубежом²; в обсуждаемой статье они даже не упомянуты. Вероятно, авторы столь широкой по тематике статьи вполне сознательно избрали повествовательный стиль и ограничили ее содержание. Однако это не означает, конечно, что все затронутые в ней проблемы уже решены; к некоторым из них приходится вновь и вновь возвращаться. В данном случае мне представляется целесообразным обсудить вопрос о формальных и реальных границах этнографической науки.

Центральное место статьи, где говорится о положении этнографии в системе общественных наук, начинается фразой: «Весьма плодотворным в обсуждении вопроса о месте этнографии среди родственных ей областей знания было выдвинутое в начале 1970-х годов предложение различать ее объект и предмет» (следует ссылка на работу Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография». М., 1973. С. 204). Далее говорится о том, что в соответствии с традицией, установившейся в отечественной этнографии,

¹ Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М., 1978; его же. История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966; Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979.

² Soviet and Western Anthropology. L., 1980.

«ес основным объектом были определены „народы-этноты“» (здесь авторы полемизируют с В. П. Алексеевым, который думает иначе), и что «ядро ее предметной области составит слой культуры, в широком смысле слова, выполняющий этнические функции, т. е. прежде всего традиционно-бытовая культура», ибо именно ей, по мнению авторов, свойственна, «с одной стороны, функция объединения всех членов этноса (внутри-этническая интеграция), а с другой — функция ограничения общностей (межэтническая дифференциация)» (с. 46—47).

Принимая предложенный авторами ход рассуждений, не могу не обратить внимание на то, что потребность в уточнении предметной области той или иной науки появляется лишь тогда, когда объектом ее изучения занимаются и другие науки. Какие науки имеются в виду в данном случае, из статьи понять трудно; кстати сказать, и полемика с В. П. Алексеевым, который также ограничился в данном отношении беглым замечанием (правда, без ссылки на «традицию»), могла бы быть более основательной. В упомянутой выше книге Ю. В. Бромлей мне удалось найти слова о том, что «главными объектами этнографии являются этноты-народы» и что «главные объекты этнографии, истории и социологии совпадают лишь в том случае, когда в такой роли выступают этносоциальные организмы»³, но суть вопроса от этого прояснилась мало. Насколько мне известно, историки изучали и изучают историю народов различных стран и континентов, не выделяя «этносоциальные организмы»; нередко они анализируют и историю переселенческих этнических групп, явно не относящихся к ЭСО, обращая внимание на то или иное явление культуры изучаемых объектов, но отнюдь не считая себя при этом «этнографами». Что же касается социологии (в ее широком понятии), то уместно признать, что сама теория этноса как особого вида общности людей в принципе является и до сих пор преимущественно разрабатывается скорее как социологическая, нежели этнографическая теория; как таковая она входит в более широкую теорию социальных группировок, в которой, естественно, учитываются как интегрирующие, так и дифференцирующие функции тех или иных группобразующих элементов. Теорией этнических (особенно национальных) общностей у нас по «традиции» занимаются и философы, специалисты в области исторического материализма, который в данной статье почему-то обойден вниманием авторов.

Некоторые вопросы остаются без ответа и при рассмотрении предметной области этнографии. Авторы статьи, предлагая рассматривать компоненты этноса сквозь призму выполняемых ими этнических функций и подчеркивая в этой связи значение «традиционно-бытовой культуры», пишут, вместе с тем, что «разумеется, этнография призвана раскрывать весь облик этноса — не только его отличия, но и черты, общие с другими этносами» (с. 46). Однако при расширении предметной области этнографии до охвата ею не только этнической, но также иноэтнической и интернациональной культуры становится очень условной грань между этнографией и культурологией — научной дисциплиной, о которой в статье опять-таки по существу ничего не сказано. Словом, несомненно «плодотворная» идея о выделении объекта и предмета этнографической науки, позволяющая уточнить ее место среди других общественных наук, еще нуждается в доработке.

На этом я оставляю предложенный авторами статьи путь рассуждений и перехожу к изложению некоторых соображений о сущности этнографии и ее задачах. Начну с характеристики двух основных крайних позиций, одну из которых с некоторой условностью можно назвать «ведомственно-ограниченной», а вторую — «общественно-необходимой». Сторонники первой позиции строго очерчивают тематику этнографии, утверждая, что она и не должна изучать ничего другого. Такая позиция встречается, к сожалению, не так уж редко. Она отчетливо проступила, например, во время подготовки к печати моей монографии «Иммигранты и этно-расовые проблемы в Британии», когда редактор, которой я в

³ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 206.

целом благодарен за проделанную работу, дошла до страниц, где показывалась сложность адаптации иммигрантов-мусульман к новой жизни в некоторых аспектах их личностно-бытовой сферы. Речь шла, в частности, о том, что эти иммигранты, даже попав в больницу, строго соблюдают деление рук на правую — «чистую» и левую — «нечистую» и потому не станут брать пищу левой рукой и касаться «интимных» частей тела правой рукой, даже если не могут пользоваться другой рукой; говорилось, что по традиции одна и та же вода не должна касаться тела дважды, и поэтому им трудно пользоваться английскими умывальниками без смесителя и т. п. «Это — не нужно, это — не этнография», — твердо сказала редактор, — в основополагающих этнографических трудах Ю. В. Бромлея этого нет». Я сопротивлялся сколько мог, но, получив гранки с предупреждением, чтобы их править как можно меньше, увидел, что «спорные» места оказались-таки исключенными из рукописи. Пришлось позавидовать В. Овчинникову, который в своей отличной, во многом этнографической книге «Сакура и дуб», показывал особенности жизни англичан, не заботясь, относится ли тот или иной факт к предметной области этнографии.

Должен сказать и о тревожном настроении, которое появилось у меня после того, как на январском 1987 г. Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев критиковал «обществоведов», которые недостаточно изучают национальные отношения в СССР и нередко приукрашивают их. Я сразу подумал о том, что, хотя оценка сложившейся в науке ситуации — вполне правильная, но по существу ни одна из общественных наук, в том числе и этнография, не примет эту критику в свой адрес, так как формально не включает в число своих основных задач изучение национальных (этнических) отношений; эти отношения изучаются обычно, так сказать, «на стороне». Сказанное не является упреком в адрес этнографов, которые, кстати, исследуют этнические отношения более основательно, чем другие обществоведы; оно нацелено лишь на то, чтобы показать несоответствие между предложенным определением сути этнографии и ее основной предметной сферы с тем кругом задач, которыми, подчиняясь нуждам общества, занимаются ученые, называющиеся «этнографами». Именно в таком подходе и проявляется вторая «общественно необходимая позиция». К этому можно добавить, что изучение семьи как таковой, формально также не входит в очерченную предметную сферу этнографии, однако этнографы издавна занимаются изучением семьи и отнюдь не только выполняемыми ею «этническими функциями». Иногда они здесь фактически смыкаются с социологами, иногда с демографами, подчиняясь при этом необходимости, а не «ведомственным» установкам. И вообще, если сопоставить очерченный авторами «предмет этнографической науки» с тематикой книг, выходящих под грифом Института этнографии АН СССР или с тематикой диссертаций, защищенных по специальности «этнография», то расхождения между ними окажутся очень большими.

В заключение хочу привлечь внимание еще к одному аспекту рассматриваемых вопросов. Известный английский философ Дж. Бернал в своем фундаментальном труде «Наука в истории общества» определил науку просто, как «то, что делают ученые»⁴. Определение подкупает своей краткостью, но оно сразу же вызывает вопрос, а кого считать ученым? Ученые степени и звания у нас настолько девальвированы, что многие кандидаты и даже доктора наук вряд ли достойны называться учеными. Кроме того, этнографическую науку пришлось бы определять как «то, что делают ученые-этнографы», и мы, кажется, оказались бы в логическом тупике. Поэтому уместно дополнить мысль Дж. Бernalа еще одним определением. «Наука, — говорится в „Советском энциклопедическом словаре“, — ...одна из форм общественного сознания, включает как деятельность по получению нового знания, так и ее результат — сумму знаний, лежащих в основе научной картины мира». Данная формули-

⁴ Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1958. С. 19.

ровка не вполне совершенна, так как суть «науки» не проявляется от определения ее через «научную» картину мира, по другие, известные мне определения, не лучше. Ясно, однако, что ученый — это человек, обладающий способностями на основе уже накопленных знаний и полученных им новых фактов создавать новое знание. Естественно, что это относится и к ученым-этнографам; господствовавшая в недавнем прошлом тенденция к систематизации и типологизации массы полученного когда-то и собираемого нового материала без его должного анализа и получения новых результатов в научном отношении была мало состоятельна. И об этом стоит сказать открыто.

Задачи этнографической науки или, точнее, границы сферы деятельности ученых, называемых «этнографами», «этнологами», «культурными антропологами» и т. п., как в России — СССР, так и за рубежом неоднократно изменялись, что отчасти показано и в обсуждаемой статье. Поэтому ссылки на какую-то «традицию» здесь мало эффективны. Такие ученые относились к весьма различным школам и направлениям, пользовались самыми различными «методами» и «методиками», поэтому объединение их в какие-то группы или выстраивание в какие-то цепочки страдало и всегда будет страдать условностью. Видимо, при этом не следует делать однозначный вывод о превосходстве советской этнографической науки. Тот, например, факт, что зарубежная культурная антропология не очень активно занимается современностью, отнюдь не следует относить к ее недостаткам, ибо изучением современности во всех ее аспектах (в том числе и в этническом) там успешно занимаются социологи.

Происшедшее в прошлом более или менее четкое разграничение наук и проявление кое-где «ведомственного» подхода к границам научных исследований привело к тому, что в последние десятилетия наиболее важным и актуальным стало получение «новых знаний» на стыках или, точнее, в «бреших» между отдельными науками. К чести «этнографов» следует сказать, что они активно включались в работу в новых областях, отражавшую общественные потребности; это проявилось в развитии этнической статистики и этнической картографии, а затем — этнической демографии и этнической географии, в развитии этнической социологии, в становлении этнической экологии, постепенном оформлении этнической психологии и т. д. Полагаю, что именно эти дисциплины, отклонившиеся в той или иной степени от традиционного «предмета» этнографической науки, в ближайшие десятилетия сохраняют свою значимость, а это требует их учета при определении границ этнографии. В настоящее время, когда проявилась насущная потребность в изучении национальных (этнических) отношений, этнография может смело включить в число своих основных задач и эту проблематику.

Как представляется, этнографию в ее современном состоянии можно определить как комплексную науку, охватывающую своими исследованиями все аспекты возникновения и существования этнических общностей — одной из наиболее устойчивых и значимых форм коллективной жизни людей; эти задачи этнография решает во взаимодействии с другими общественными и естественными науками, что проявляется в развитии промежуточных дисциплин. Детализация этого определения, уточнение границ того, что именно должна изучать этнография, а что находится за ее границами, представляется мне нецелесообразным.